

УДК 301.085.399

А.Г. Рогачев

НАРОДНЫЕ ОЖИДАНИЯ И НАСТРОЕНИЯ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (НЭП) И СТЕПЕНЬ ИХ ОТРАЖЕНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

В статье рассматриваются исторические и социальные проблемы новой экономической политики в ее начале в Сибири. Главное внимание уделяется народным ожиданиям, настроениям и степени их отражения в региональной и управленческой политике в этот период.

Ключевые слова: начало новой экономической политики, социальные народные ожидания и настроения, советское управление регионом.

A.G. Rogachev

PEOPLE'S EXPECTATIONS AND ATTITUDES IN SIBERIA IN THE BEGINNING OF THE NEW ECONOMIC POLICY (NEP) AND DEGREE OF THEIR REFLECTION IN THE REGIONAL MANAGEMENT POLICY

The historical and social issues of the new economic policy in its beginning in Siberia are considered in the article. The main attention is given to the people's expectations, attitudes and the degree of their reflection in the regional and management policy at that time.

Key words: beginning of the new economic policy, social expectations and attitudes of people, Soviet region management.

Политика военного коммунизма на рубеже 1920–1921 годов не соответствовала ожиданиям и настроениям большинства сибиряков. Прежний колчаковский режим не пользовался поддержкой населения: рабочие в городах бастовали и восставали, крестьяне вели партизанскую войну и освобождали целые районы. Победа Красной армии в Сибири стала вполне закономерной и весьма быстрой даже вопреки ожиданиям В.И.Ленина, который предполагал, что с Колчаком придется возиться дольше.

Однако следом за победной эйфорией стало быстро приходить социальное разочарование большинства народа в Сибири. Такое разочарование оказалось обоюдным. Центр, Москва ждали быстрого поступления сибирского хлеба, мяса и масла. А сибиряки хотели экономической свободы. К тому же с 1917 года они вообще отвыкли от каких-либо налогов. Российская ментальность весьма плохо увязывается с понятием государственных налогов, поскольку русские, российские люди считают себя «людьми государевыми», а государевы служащие налогов не платят. Такова психология российского и особенно сибирского мужика в тот период. С другой стороны, необходимо было изменить настроения коммунистов, рассчитывающих в большинстве своем на скорое установление коммунистических социально-экономических отношений. Следует заметить, что в Сибири начавшиеся реформы местные коммунисты восприняли неоднозначно. В Красноярске, например, они выпустили листовку «Почему Советская власть сперва установила разверстку, а потом заменила разверстку налогом?» Вследствие разверстки крестьянское хозяйство стало хиреть. Некоторые крестьяне стали рассуждать так: с какой стати я стану сеять больше, когда все равно у меня все отберут, а мне дадут только корму для пропитания? Так уж я лучше, мол, посею немного, чтобы без всяких излишков на себя только хватило. И стали такие крестьяне сильно уменьшать посева. А это, вследствие круговой поруки, отражалось и на старательных крестьянах. В результате посевная площадь у нас сильно сократилась. По сравнению с 1916 годом площади посева к 1920 году во всей России уменьшились больше чем на 20%. В частности, и в нашей Енисейской губернии также произошло сокращение посева. В 1917 году на одно хозяйство у нас приходилось 4,4 десятины посева, а в 1920 году всего лишь 3,9 десятины ...»¹.

27 марта 1921 года Сиббюро ЦК РКП (б) принимает постановление об отношении к крестьянству в связи с решениями X съезда партии: теперь ударной задачей являлось разъяснение массам нового

¹ ЦХИДНИ КК. Ф.64. Оп.2. Д.50. Л.2.

отношения партии к крестьянству. Предполагалось узнавать у губкомов РКП(б) о настроении сибиряков и информировать об этом центр².

Следует учесть, что после гражданской войны сельское хозяйство переживало глубокий кризис. В Сибири он был гораздо глубже и дольше, чем в Европейской России. Посевные площади здесь составляли в 1921 году 4/5 от уровня 1913 года. Значительно изменилась структура посевов. Удельный вес основных товарных культур в Сибири – пшеницы и овса – понизился, а проса и огородных культур повысился. Валовые сборы зерновых культур резко снизились. В состоянии упадка находилось и животноводство. В 1922 году общее количество скота в Сибири уменьшилось по сравнению с 1916 годом примерно на 1/4 часть. Основная товарная отрасль сельского хозяйства Сибири – маслоделие – оказалась разрушенной. Заготовки масла сократились более чем в 13 раз³. Постановления, одобряющие новую экономическую политику, принимались весной-летом 1921 года на уездных и губернских партийных конференциях. Однако среди некоторой части работников партийного и советского аппарата обнаружилось колебание. О них говорил секретарь Сиббюро И. И. Ходоровский на Сибирской партконференции в августе того же года. Докладчик разъяснял, что острые формы классово-буржуазной борьбы, кулацкий бандитизм, колебания среднего крестьянства в Сибири требуют еще более настойчивого и последовательного проведения новой экономической политики, чтобы добиться дальнейшего укрепления союза рабочего класса с крестьянством. В этом видело свою главную задачу Сиббюро ЦК РКП (б). «Однако, – заявил Ходоровский, – кое-кто из коммунистов склонен понимать новую экономическую политику как уступку кулаку, как нечто такое, что обрекает на гибель бедноту»⁴. Оказались такие и среди делегатов конференции. Конференция осудила антиэповские выступления и приняла постановление, в котором полностью одобрялись решения X съезда партии и работа Сиббюро ЦК РКП (б) по претворению в жизнь генеральной линии Коммунистической партии.

Важно отметить, что во многих районах Сибири в 1921–1922 годах сохранялась практически военная обстановка в связи с восстаниями крестьян и казаков, а затем массовым бандитизмом разных цветов и оттенков. Сибирские коммунисты привыкли к выполнению боевых приказов: так они и восприняли решения X съезда РКП (б) и последующие шаги НЭПа.

С осени 1919 года в Сибири осуществлялось ревкомовское управление. 27 августа 1919 года Президиум ВЦИК, основываясь на рекомендациях комиссии по сибирским делам, утверждает проект постановления о Сибревкоме. 4 сентября 1919 года «Известия ВЦИК» публикуют Постановление ВЦИК «Об организации гражданского управления в Сибири».

Историк В.И.Шишкин отмечает, что в конце 1919 – начале 1921 годов Сибревком действовал как революционный орган. В атмосфере продолжавшейся гражданской войны он всем своим авторитетом утверждал в Сибири революционную советскую власть. В этот период в работе Сибревкома в силу объективных обстоятельств общегосударственные задачи преобладали над местными: борьба с русской и иностранной контрреволюцией поглощала все его силы⁵.

О значении Сибревкома свидетельствует следующий факт. 31 мая 1921 года заместитель председателя Сибревкома С.Е.Чуцкаев в докладе на сессии ВЦИК подчеркнул, что в тех областях деятельности, которые находились в непосредственном ведении Сибревкома, достигнут больший успех, чем в тех, где преобладало влияние местных органов⁶.

А на местах также первоначально действовали губернские, уездные, волостные и сельские революционные комитеты. Только в марте 1920 года начался процесс создания местных Советов – конституционных государственных органов. В отношении роли Советов в высшем партийном руководстве, начиная с 1917 года, постоянно возникали различные мнения, шли дебаты и теоретические споры. Один из лидеров большевиков Л.Б.Каменев считал, что Советы – это сугубо местные органы. Их пытались в определенный период времени заменить комбедами. Но вновь от комбедов и ревкомов возвращались к Советам.

Во второй половине 1920 – начала 1921 годов состоялись губернские съезды Советов Сибири: в июле 1920 года – Алтайский, в сентябре Енисейский и Омский, в октябре – Томский, в ноябре – Семипалатинский, в январе 1921 года – Иркутский. Большинство делегатов на губернские съезды избиралось на волостных и

² Сибирский революционный комитет (Сибревком) август 1919 – декабрь 1925: сб. докл. и мат-лов. Новосибирск: Новосибир. кн. изд-во, 1959. С.341.

³ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Сибирь в период строительства социализма. Л.: Наука, 1968. Т. 4. С.177.

⁴ Там же. С.206.

⁵ Шишкин В.И. Революционные комитеты Сибири в годы Гражданской войны (август 1919 – март 1921 г.). Новосибирск: Наука, 1978. С. 109.

⁶ Там же. С.110.

уездных съездах, значительная часть их направлялась городскими Советами. В работе съездов приняли участие представители главного сибирского партийного органа – Сиббюро ЦК РКП(б), Сибревкома, губернских партийных, советских и профсоюзных управленческих органов.

Советизация местного самоуправления вместо сугубо ревкомовских методов соответствовала интересам сибиряков. Она подготовила постепенно условия для принятия и последующего развития НЭПа в Сибири.

Введение НЭПа потребовало реализации экономических способов управления, что ударило по интересам коммунистических управленцев, отстранило значительную их часть от гарантированных пайков и бесплатного обеспечения.

Историк М.Д.Северьянов пишет, что при переходе к НЭПу, особенно в связи с введением теперь хозяйственного и коммерческого расчетов на предприятиях, образования местных бюджетов для обслуживания нужд населения, государственный аппарат значительно сократили.

В Алтайской губернии с января 1921 года по октябрь 1923 года аппарат Губернского отдела народного образования сократили с 556 до 40 человек, Губсовнархоза – с 837 до 47, Губисполкома – с 4018 до 1248; Бийского исполкома – с 487 до 60 человек⁷.

Эта политика, безусловно, являлась правильной. Так как аппарат губнаробраза имелся, а вот образование в начале НЭПа отсутствовало. Не хватало самой элементарной буржуазной культуры. Примерно то же происходило и в других отраслях народного хозяйства: комиссары были, а позитивной деятельности не хватало.

С 1921 по 1923 год аппарат Омского ГСНХ сократился с 20 отделов до 3, служащих с 1624 до 33. В сентябре 1921 года в ведении этого ГСНХ оказались 363 предприятия с 12444 работниками. В 1923 году осталось 128 предприятий и 2726 работников. Енисейский губсовнархоз сократил аппарат с 1500 до 50 человек; штат милиции в Енисейской губернии сократили с 3000 до 1000; Енгубсоюз кооперативов – с 2600 до 531 служащего⁸.

Все эти огромные бюрократические штаты перед началом НЭПа расплодились за один год в сибирских городах. Это была на деле псевдо-коммунистическая, бюрократическая и распределительная реальность. Только уже почти нечего оказалось в итоге «распределять», даже между своими. В этой обстановке партийные организации коммунистов в Сибири стремились выявить своих потенциальных противников, уничтожить их политически, морально, а при удобном случае и физически. Их социально-политические интересы игнорировались.

Подсчеты проводились повсюду. В Енисейской губернии в начале 1922 г. удалось учесть: эсеров и эсеров – 289, меньшевиков – 75, областников – 28, кадетов – 79, сионистов – 11, представителей других партий и групп – 25⁹.

Именно их сокращали и вычищали в первую очередь, особенно эсеров, которые с дореволюционных времен крепко приросли к кооперации. В 1921–1922 годах в Сибири коммунисты и чекисты (с 1922 года – представители ГПУ) организовали мощную антиэсеровскую кампанию. С социальными интересами социалистов-революционеров так же не считались. Надо было истребить их в политическом плане во что бы то ни стало. Это проводилось по всем организациям и учреждениям в городе и деревне.

Историк А.В.Добровольский пишет, что к началу 1922 года Иркутский губком социалистов-революционеров почти в полном составе находился в тюрьме, а партийное руководство осуществляло Временное губбюро. Тогда заметным событием политической жизни стали выборы депутатов в Иркутский горсовет. Как отмечалось в одной из оперативных чекистских сводок: «к выборам в горсовет рабочие массы отнеслись индифферентно, но почти во всех районах выступали под видом беспартийных эсеры и меньшевики, выставляли свои кандидатуры». Против этих кандидатур рабочие не возражали. На кожзаводе эсер Крихимович открыто критиковал действия советской власти, резко выступил против кандидатур коммунистов, сумел повлиять на присутствующих рабочих¹⁰.

На конференции иркутских работников просвещения после выступления эсеров Лютова, Аграновича, Добровольского коммунистический список депутатов полностью провалили голосованием. Положение обострилось в целом так, что 21 февраля 1922 года иркутский эсеровский политический успех вынесли на

⁷ Северьянов М.Д. НЭП и современность: полемические заметки. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. С.120.

⁸ Там же.

⁹ ЦИХДНИ КК. Ф.1. Оп.1. Д.141. Л.107.

¹⁰ Добровольский А.В. Эсеры Сибири начала 20-х годов (1921–1923 гг.). Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. С. 11–12.

обсуждение секретного заседания Сиббюро ЦК РКП(б), которое поручило М.М.Лашевичу разобраться с этим делом на месте¹¹.

По агентурным данным ГПУ, в начале февраля 1922 года численность Иркутской городской организации эсеров составляла около 150 человек, активно работал примерно каждый пятый из них. Здесь, в Иркутске, однопартийцы обсуждали статью В.Чернова «Основные мотивы гильдейского социализма», повсюду распространяли резолюции X Совета партии социалистов-революционеров по экономической политике, о работе в деревне и другие. В соответствии с решениями X Совета при эсеровском губкоме организовали центральные группы рабочих, действовала секция молодежи. Вместе с меньшевиками эсеры продолжали занимать ответственные должности в системе кооперации: в ИрПО, Сибдальвнешторге. Заметное влияние эсеров наблюдалось и в целом по Иркутской губернии, особенно в Черемхово и Бодайбо. Среди рабочих распространялись правозэсеровские газеты, шла открытая агитация на собраниях и конференциях. Продовольственный кризис на Хайтинской фабрике (Зиминский уезд) эсеры также удачно использовали для усиления своего влияния на фабком¹².

Между тем в сентябре 1922 года Иркутский губернский комитет РКП (б) констатировал, что летнее падение производительности труда в Черемхово объясняется не политическими причинами, а исключительно малой оплатой труда рабочих и их желанием получить дополнительный заработок в других сферах хозяйственной деятельности¹³.

С эсерами и меньшевиками не церемонились по всей Сибири. В декабре 1921 года Енисейская губернская ЧК арестовала 27 эсеров-максималистов Канской организации. Они в течение прошедшего года развернули бурную политическую деятельность не только в уезде, но и по всей губернии. Их лидеры, Лобов, Зверев, Долгоруков, открыто выступали на всевозможных собраниях и конференциях, проводили тайные совещания с членами организаций, распространяли листовки и воззвания. В одной из сводок чекисты сообщали: «В районе Иланской, Тисской и Тайшета открыто распространяется максималистская литература, она с большим интересом расхватывается и читается крестьянами. Это делают и некоторые члены РКП(б), попавшие под влияние эсеров. Особо отмечалось серьезное воздействие социалистов-революционеров на красноармейцев 228 полка во главе с их командиром»¹⁴.

В Новониколаевске основные силы эсеров группировались вокруг Сиботделения Центросоюза. Во главе ведущих отделов Сибцентросоюза оказались видные эсеры: отдел сырьевых заготовок и отдел пушныны возглавляли Д.Н.Новицкий и К.Л.Бреде, там же ответсекретарем работал М.С.Кожухов. Отделом внутренней торговли заведовал меньшевик С.Е.Пузырев¹⁵.

Осенью 1922 года началась чистка всех кооперативных организаций Сибири от эсеров и меньшевиков и других антикоммунистических элементов. В 1923 году инициировали массовое покаяние сибирских эсеров. В ноябре-декабре 1923 года по Сибири прошли губернские конференции бывших эсеров, которые завершили кампанию по политической дискредитации «альтернативных» социалистов.

Политическая расположенность и определенное доверие сибирских крестьян и рабочих к эсеровской и меньшевистской платформам связана с особой экономической ролью Сибири в советской государственной стратегии. В чем эта роль заключалась? А в том, чтобы выкачать побольше хлеба и других продуктов отсюда; спасти европейский центр от полной продовольственной катастрофы. Тем самым сохранить советскую власть.

16 февраля 1921 года В.И.Ленин составил телеграмму в Омск, Сибпродком, П.К.Кагановичу: «Ввиду обострившегося до крайности положения с продовольствием Республики предписываю в порядке боевого приказа напряжением всех сил повысить погрузку и отправку хлеба центру и довести до максимума. Ежедневно по прямому проводу сообщайте лично мне и Наркомпроду: 1)наличие хлеба на станциях желдором, 2) количество подвезенного к станциям хлеба за сутки, 3) погрузка хлеба за сутки, отдельно – центру, отдельно – местная, 4) если был недогруз – причины последнего»¹⁶.

А примерно 21 или 22 февраля Ленин телеграфировал председателю Сибревкома И.Н.Смирнову: «Пересылаю Вам это сообщение Склянского в ответ на Ваши депеши. Прошу Вас извещать меня чаще о бандах, подработе и об отправке хлеба»¹⁷. Э.М.Склянский сообщил И.Н.Смирнову о продвижении войск,

¹¹ Там же. С.12.

¹² Там же.

¹³ ЦДНИИО. Ф.1. Оп.1. Д. 967. Л. 26.

¹⁴ Добровольский А.В. Эсеры Сибири начала 20-годов С 13.

¹⁵ Там же. С.15. 16.

¹⁶ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.52. С.307.

¹⁷ Там же. С.79.

посланных для борьбы с «кулацкими бандами» в Сибири. Так власть официально именовала восставших против огромной продразверстки.

X съезд РКП(б) заменил ее продналогом – а в Сибири она осталась! 6 мая 1921 года опять телеграмма Ленина Смирнову: «Считаю действия Ваши неправильными, перерасход 350 тысяч пудов семян для внутригубернских нужд недопустим, ставит снабжение Москвы и Петрограда в крайне тяжелое положение. Постановление Сибпосевкома о дополнительном отпуске семян свыше 4500000 пудов отменяю. Предлагаю также представить объяснения о неисполнении предписания о безостановочной погрузке в праздничные дни»¹⁸.

13 июня 1921 года Ленин направляет в Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревком еще более жесткую телеграмму: «...Наличие хлебов по Сибири, при условии доведения до указанного Вам минимума местного потребления, делало... задание реально осуществимым. Телеграммой 18 мая Сибревком и Сибпродком признали полную осуществимость отправки в течение месяца центру до 7 июня трех миллионов пудов хлеба, однако фактически за этот срок Вами отправлено всего около 1600 вагонов, и погрузка первых дней июня не показывает никакого повышения. ...Задание должно исполняться безоговорочно»¹⁹.

Можно предположить, что сибирское руководство оказалось в своеобразной «вилке» между интересами сибиряков и приказами из центра. В итоге социальная эффективность НЭПа в Сибири в 1921–1922 годах оказалась заметно ниже, чем в других регионах. Сибирь опять оставалась своеобразной советской колонией.

Еще в преддверии НЭПа газета «Советская Сибирь» 25 февраля 1921 года сообщила слова председателя Сибпродкома П.К.Кагановича: «Как только фронт был ликвидирован, брать продовольствие стало гораздо труднее». Его брали в принудительном порядке, поэтому весной 1921 года в ряде районов Сибири возникла исключительно напряженная обстановка. Только, например, в Новониколаевском уезде за активное сопротивление продорганам аресту подверглось несколько сотен человек. Местный уездный комитет РКП (б) боялся возникновения крестьянского восстания по сценариям других районов Сибири²⁰.

С большим трудом Сибревкому и Сиббюро ЦК РКП(б) удалось избежать гораздо больших неприятностей и социальных последствий на территории Сибири. В марте 1921 года Сибревком полностью освободил от продразверстки только крестьян наименее хлебной Иркутской губернии, к тому же в тот период пограничной территории. В остальных губерниях Сибири она отменялась частично и то лишь при условии, что задания продразверстки выполнены не менее чем на 75%.

В Сибири центр ввел повышенные налоговые ставки. Предполагалось, что здесь живут более зажиточные, чем в Европейской России, крестьяне. Аргументация явно не очень убедительная и опять вводившая поголовную ответственность. Продналог 1921 года в Сибири составил 20% от валового сбора сельскохозяйственной продукции; а на Алтае даже 31%, тогда как в целом по РСФСР не более 12%²¹.

Продналог оказался ниже продразверстки, как и пообещали. Но великой разницы также не наблюдалось.

В Новониколаевской губернии в 1921 году он составил 42% от продразверстки, в Омской – 59%, в Томской – 61%, в Иркутской (вместе с Бурятией) – 68%, в Енисейской – 83%. И все же количество антиправительственных повстанцев в Сибири снизилось: с 16 тысяч человек в апреле до 2,5 тысяч в июле 1921 года²².

Многие все же предпочли заняться мирным хлебопашеством. Но оно пока особой радости не принесло. В Сибири долго «добирали» продразверстку, а потом перешли к сбору продналога.

5 октября 1921 года Сибревком, Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибпродком образовали оперативную тройку для руководства налоговой кампанией и потребовали от местных властей выделить новые силы на организацию хлебозаготовок. На местах прошли дополнительные мобилизации, многие учреждения и их отделы закрывались, сроки намеченных съездов и конференций переносились, а их делегатов отправляли в деревню собирать у крестьян продналог. В результате интенсивность хлебозаготовок заметно возросла, особенно в период ударного продовольственного двухнедельника, проведенного во второй половине декабря 1921 года. Не обошлось и без «перегибов» и нарушений законности. В Алтайской, Новониколаевской и в других губерниях производились незаконные аресты и репрессии по отношению к крестьянам-середнякам. Известие о местных сибирских «художествах» комиссаров дошло до В.И.Ленина.

¹⁸ Там же. С.323.

¹⁹ Там же. С.331–332.

²⁰ ГАНУ. Ф..П-13. Оп.1. Д. 188. Л.24.

²¹ Исупов В.А., Кузнецов И.С. История Сибири. Ч. III. Сибирь: XX век... С.117–118.

²² Там же. С.118.

Он распорядился наказать виновных в истязании крестьян. Наиболее ретивых заготовителей удалили из продовольственных органов и даже отдали под суд. К апрелю 1922 года продовольственные органы завершили сбор продналога, который осуществлялся вопреки насущным потребностям самих сибиряков. Сибирь дала 28% всего продовольствия, заготовленного в стране²³.

Из-за самых различных неблагоприятных факторов и политики, в целом противоречащей социальным интересам крестьян, последние сокращали в 1921 году площадь запашки земли. Газета «Красноярский рабочий» 2 марта 1922 года сообщала III губернскому съезду Советов, что в Енисейской губернии земельная запашка по сравнению с 1920 годом сократилась на 34%. Такая ситуация оказалась характерной для многих других районов Сибири. Продовольственная ситуация могла вообще зайти в тупик. Несколько ослабило ситуацию оживление торговли в Сибирском регионе. Крестьяне открывали «схроны» и включались в торговый товарооборот. Вместо методов принуждения власть больше практиковала агитацию, убеждение, разъяснения.

Вторая продналоговая кампания 1922–1923 годов предусматривала вместо сбора множества продуктов единый натуральный налог. Крестьянству представлялось около десятка различных льгот. Общий размер налога уменьшили на 10%. Уже к декабрю 1922 года крестьяне Сибири выполнили 96% поставок, а в Новониколаевской и Томской губерниях, Бурятии и Горном Алтае – перевыполнили задание. Число административных взысканий по отношению к крестьянам, которые уклонялись от сдачи налога, уменьшилось примерно в два раза²⁴. Настроения крестьян менялось в сторону мирных отношений с советской властью. Но так происходило не везде.

Историк А.И.Савин пишет, что объективные и субъективные причины переобложения сибирских крестьян осенью 1922 года были следующие: не учли, во-первых, реальное сокращение посевов в 1922 году, во-вторых, во время уборки шли сплошные дожди, и урожай частично погиб. В Омской губернии 5 из 6 уездов пострадали еще от неурожая 1921 года. Тарский и Тюкалинский уезды Постановлением ВЦИК от 22 августа 1922 года официально признали голодающими. Основные усилия по выкачке хлеба в Омской губернии сосредоточили на Славгородском уезде, традиционно считавшемся наиболее урожайным районом²⁵.

К середине октября 1922 года Славгородский уезд выполнил только 2% налогового задания, что повлекло здесь в жизнь эскалацию антикрестьянских репрессий. Губернский председатель налоговой продовольственной перестройки Е.В.Полудов вместе с двумя составами губернского ревтрибунала прибыл в уезд 27 октября 1922 года. Секретарь Сиббюро ЦК РКП(б) И.И.Ходорковский, заместитель председателя Сибревкома А.П.Брыков и председатель Сибпродкома Р.И.Эйхе потребовали от местного руководства немедленно оживить работу нарсудов, ревтрибуналов, всемерно использовать право административных взысканий²⁶. Давление сверху подстегнуло репрессивную инициативу, широко применялась такая форма нажима на крестьян, как постановка войск на постой в волостях, плохо выполнявших налог. 4 октября 1922 года поступивший в распоряжение заместителя губпродкомиссара Д.П.Зверева 1-й отдельный кавалерийский эскадрон 29-й стрелковой дивизии под руководством командира Волжского получил приказ встать на постой в Благовещенской волости. Помимо ее, подразделения эскадрона содействовали сбору налога в Шимолинской, Леньковской, Разумовской и ряде других волостей. Средства на содержание эскадрона взымались с каждого налогоплательщика вплоть до полного выполнения налога. Население Хортицкой, Подсосновской, Орловской и Ново-Романовской волостей Славгородского уезда активно побуждал к сдаче хлеба кавалерийский взвод под командованием Игнатьева. 16 октября 1922 года по приказу Д.П.Зверева взвод выступил из Славгорода в Карасук и осуществил на налогоплательщиков «демонстративный нажим». «Поход» взвода финансировался за счет крестьян²⁷.

Целый ряд репрессированных волостей уезда командировал делегатов к председателю ВЦИК М.И.Калинину с ходатайством о снижении налога. Со своей стороны Славгородская уездная оперативная продналоговая тройка указала, что «никакие стихийные бедствия не могут служить причиной к сокращению налога, подаваемые крестьянами заявления должны остаться без удовлетворения». 15 октября 1922 года

²³ История Сибири. Т. IV. С.179.

²⁴ Там же. С.179-180.

²⁵ Савин А.И. Кампания по сбору единого натурального налога 1922–1923 гг. в Сибири: «Славгородское дело» // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. №2. С.60.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С.61.

тройка потребовала от сессий ревтрибуналов «вынести приговоры по осуждению сельских органов, подавших таковые заявления, копии приговоров предоставить тройке»²⁸.

Здесь можно говорить о конфликте между сибирскими «верхними» властями, еще сибревкомовскими, чрезвычайными, и местными, выборными советскими. Последние отражали или старались отражать социальные интересы крестьян, избравших их.

В ноябре-декабре 1922 года в Славгородском уезде произошло дальнейшее усиление репрессий. Продработниками на местах широко практиковались избиения и пытки. 10 ноября 1922 года уездная оперативная продналоговая тройка отдала приказ о применении чрезвычайных террористических методов для взимания налога, который даже Сиббюро ЦК РКП(б), заинтересованное в активных сборах хлеба, расценило как вполне преступный. И все же репрессии и вооруженный нажим сделали свое «дело». К началу января 1923 года налоговое задание Славгородским уездом в целом оказалось выполненным. Только 4 января 1923 года Славгородская уездная оперативная продтройка приняла наконец-то решение прекратить репрессировать население ввиду скорого завершения налоговой кампании²⁹.

Среди исторических документов, характеризующих драму Славгородского уезда, можно выделить Приказ № 100 Сибирского продовольственного комитета от 6 ноября 1922 года, подписанный в селе Кулунда заместителем предсибпродкома Поволоцким и губпродкомиссаром Зверевым. Сибревкомовский приказ устанавливал, что нажим на крестьян слаб, и они его не чувствуют. Причина в том, что волисполкомы, сельсоветы и даже продаппарат совершенно не используют репрессии или делают это бессистемно. Какие меры предложил приказ?

Предполагалось провести максимально жесткий нажим на членов сельсоветов волисполкомов, членов РКП(б), чтобы добиться немедленного выполнения причитающегося с них продналога. То есть сами местные активисты тоже не торопились вносить в казну драконовский налог.

Затем, уже опираясь на выполнивших продналог, предстояло «нажать» на всех остальных. Предлагалось выбрать «упорных» неплательщиков и применять к ним самые суровые наказания: пени, штраф – дополнительно еще 20% от самого налога, далее шел арест и «другие более жесткие меры». Для заключенных строились концентрационные лагеря со строгим тюремным режимом и пайком за счет неплательщиков, запретом курения табака, всяких передач и свиданий. Арестованных в концлагеря отправляли под конвоем и обязательно пешком, а на их семьи нажим еще более усиливался. Районные сельсоветчики, не обеспечившие необходимого количества подвод для вывоза хлеба, безоговорочно арестовывались. В каждом крупном селе проводились выездные сессии совнарсуда с целью составления 3–5 дел о продаже с торгов имущества в порядке бесспорного иска.

Требовалось в «упорных» селах до получения судебного приказа, в порядке меры пресечения производить опись имущества и арест его. Конфискованное имущество и скот провозились и проводились по другим селам соседних волостей³⁰.

На фоне этого приказа местные «сибревкомовцы» – ответственный секретарь укома РКП(б) Алешин, предуисполкома Ступак, губпродкомиссар Зверев – 10 ноября 1922 года подписали «Приказ Славгородской уездной оперативной тройки командиру 1-го отдельного кавалерийского эскадрона 29 стрелковой дивизии Волжскому». Он усиливал и конкретизировал «Приказ №100». Весь партийно-советский актив, сопротивляющийся сдаче налога, безоговорочно предавался суду. Войска должны были «заставить трепетать» перед налоговым обязательством всех и вся до тех пор, пока вся волость не сдаст 100% не только одного налога, но и всех прочих налоговых сборов. Воинским частям, находящимся на продработе, въезжая в волость, село, видеть в нем противника и к населению таковых применять все средства вооруженного нажима кроме расстрела (обхват села, оцепление собраний, военное положение, принуждение выносить под винтовкой военный режим, набег ночью и другие крутые меры, кроме телесного наказания). Ретивые исполнители приказов должны были создать такую обстановку, чтобы волость, села и все жители их в целом мыслили только о продналоге. А этого можно достигнуть путем создания в каждом селе квартальных, районных, сельских, продовольственных и воинских штабов и проведения через них соответствующего нажима. Штабы выполняли роль «ежовых рукавиц», «работали» с уклоняющимися неплательщиками в целях внушения «панического ужаса» преимущественно ночью. Каждое село превращалось в концентрационный лагерь: проводилась поголовная опись имущества, опечатывались хлебопродукты, запрещалось есть хлеб, закрывался размол муки на мельницах и вводилась полная

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Приказ №100 Сибирского продовольственного комитета от 6 ноября // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. №2. С.62–63.

голодовка, полностью прекращалась всякая торговля. После ареста неплательщика надо было «добиться чем и как угодно, чтобы семья вывезла тот час же все 100% налога, и чтобы пустых арестов не было». Вся эта «деятельность» оправдывалась «интересами Республики», «требованиями государства»³¹.

В течение почти двух месяцев эти два приказа успешно «претворялись» в жизнь. Только 5 января 1923 года, когда дело по сбору налога любым путем было уже сделано, появилось распоряжение секретаря Сиббюро ЦК РКП (б) С.В.Косиора**: «Предлагаем немедленно отстранить от должности Алешина, Ступака, Зверева – руководителей Славгородского уезда, подписавших преступный документ-директиву о налоговом нажиме. Исполнение сообщите немедленно»³².

Но дело было уже сделано, и налог собран. Поэтому, судя по дальнейшему служебному продвижению К.М.Ступака, «суровых» наказаний к подписавшим приказы не применяли. Все они сделали для советской власти благое дело, а победителей не судят. Социальные интересы сибирских крестьян ретивых революционеров как таковые интересовали мало. Можно предположить, что подобная практика сбора налогов применялась повсеместно, только в более скромных масштабах. Крестьянин-неплательщик рассматривался как враг советской власти, и долго убеждать его в сибревкомовских условиях управления сверху не собирались.

Более мягкой в отношении крестьянства являлась политика в Иркутской губернии, в тот период ещё пограничной. 27 сентября 1922 года VII Иркутская губпартконференция отметила, что нельзя применять круговую поруку в сборе продналога, а члены РКП(б) должны сдавать налог в первую очередь³³.

Сибревкомовцы, запрещая крестьянам торговлю хлебом, понимали, что это очень сильный инструмент воздействия. Именно торговля стала важнейшим положительным фактором социальных и экономических отношений в Сибири в 1921–1922 годах на фоне остального сибревкомовского производства.

Еще в марте 1921 года Сибревком вынужден был разрешить свободную торговлю хлебом в некоторых уездах, выполнивших разверстку, а в июне 1921 года принял постановление о товарообменных операциях в Сибири, проведение которых возлагалось на потребительскую кооперацию и губернские совещания по товарообмену во главе с председателями губисполкомов. В целом с государственно-кооперативным товарообменом, по определению В.И.Ленина, «ничего не вышло». Практически отрицательные итоги этой деятельности также характерны и для Сибири. Но здесь ситуацию спасали частные торговцы, которые умели находить товары помимо централизованных поставок и удовлетворять потребности как крестьян, так и горожан.

Изменить товарную ситуацию в лучшую сторону могло только развитие промышленности в стране и в Сибири. Управление этим процессом взяли на себя органы СТО на сибирской территории – губернские экономические совещания.

24 июля 1921 года Сибирское бюро ЦК РКП (б) рассмотрело вопрос о губернских экономических совещаниях и предложило Сибревкому утвердить специальное положение о них. Эти совещания согласовывали, объединяли и направляли работу всех хозяйственных органов каждой сибирской губернии. Они составляли единый губернский хозяйственный план и наблюдали за его выполнением³⁴.

Права и обязанности областного экономического совещания принадлежали Сибревкому. Решение об этом приняло Первое Сибирское Экономическое Совещание (Сибэконо) в июле-августе 1921 года³⁵.

В 1921 году образовалась также Сибирская общеплановая комиссия (Сибплан), которая играла важную роль в восстановлении народного хозяйства Сибири. Губэконо действовали в Сибири весьма обстоятельно. В 1922 году в Красноярске опубликовали содержательный отчет Енисейского губернского экономического совещания³⁶. В нем, прежде всего, имеется подробный естественно-исторический обзор Енисейской губернии: география, геология, климат, почвы, животный мир и др. Детально рассматривались экономические вопросы. Например, выявлено по опросам старших продинспекторов, что 50% крестьян относятся к продналогу отрицательно, 37,5% – безразлично и только 12,5% – положительно.

³¹ Приказ Славгородской уездной оперативной продовольственной тройки командиру 1-го отдельного кавалерийского эскадрона 29 стрелковой дивизии Волжскому // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. №2. С.63–64.

³² Директива руководства Сиббюро ЦК РКП(б) Омскому губкому РКП (б) от 5 января 1923 года // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. №2. С.64.

³³ ЦДНИО. Ф.1. Оп.1. Д. 947. Л. 236.

³⁴ ГАНО. ФП.-1. Оп.3. Д.10. Л.140.

³⁵ Советская Сибирь. 1921. 3 августа.

³⁶ Отчет Енисейского губернского экономического совещания Совета Труда и Оборона с мая по октябрь 1921 г. Красноярск, 1922. 333 с.

В Енисейской губернии, с практически полностью национализированной промышленностью, производительность труда в 1920 году составила 40% от довоенной, а в 1921 году – 45%. С июля 1921 года, в связи с ростом материальной заинтересованности рабочих, производительность их труда стала заметно повышаться. С объявлением свободной торговли в Енисейской губернии мешочничество приняло массовый характер. Мешочники заполнили поезда и пароходы; поездки на станцию Ключевная, в Минусинск и в другие пункты за продуктами с целью перепродажи стали для многих профессией. Частная торговля заметно оживилась, на рынках появились товары, необходимые в промышленности и сельском хозяйстве³⁷. В процессе экономической модернизации не оправдался расчет на аренду крупных предприятий. Енгубэко объяснял это неопределенностью советской политики в области возрождения крупной промышленности в Сибири и в стране в 1921–1922 годах. В условиях политического и финансового диктата приватизация такой промышленности была невозможна. То есть оживились в условиях НЭПа только мелкие торговцы и предприниматели, которые обеспечили хозяйственную смычку между деревней и городом, заинтересовали крестьян и заставили трудиться рабочих.

В отчете отмечалось, что бюрократизм и волокита наблюдаются во многих организациях, главным образом в крупных хозяйственных учреждениях с целым рядом подразделов, отделений, штаты которых содержали массу разных должностей с недостаточно ясно очерченным кругом обязанностей. Больше всего бюрократические явления наблюдались в Губземотделе, Совнархозе и жилищном Подотделе Коммунохоза³⁸.

Модернизировать бюрократический аппарат советской сибирской власти оказалось практически очень затруднительно. В него пришло много товарищей по гражданской войне и революции, которые нуждались в хлебных местах, но как следует ничего делать не умели. Инспекция (РКИ), которая их проверяла, являлась однотипной по составу. Контроль профсоюзов также сводился к бюрократической переписке. Центр продолжал руководить Сибирью и ее губерниями с помощью приказов, требовал сложных отчетов, сковывал инициативу, вмешивался в мельчайшие детали. Несвоевременно приходили из Москвы разъяснения по применению новых декретов.

Главная проблема заключалась в том, что новая советская система коммунистической партийной диктатуры в центре и в Сибири строилась по принципу бюрократического муравейника. Знаменитые ленинские слова об учете и контроле породили десятки тысяч мелких, средних и крупных чиновников советской формации. Бюрократия, которой вообще противопоказана какая-либо модернизация, в начале 20-х годов только зарождалась, но уже начала воспроизводить сама себя.

В это время экономические методы управления в Сибири тесно переплетались с чрезвычайными. 30 июня 1921 года Сибревком принял постановление о порядке мобилизации рабочей силы.

В связи с недостатком чернорабочей силы, в целях срочного удовлетворения потребностей хозяйственных органов Сибири, Сибирский революционный комитет предоставил право губисполкомам через отделы труда произвести мобилизацию мужчин для замены ранее призванных на определенный срок и для выполнения работ, не терпящих отлагательств. Предполагалось также путем сдельной оплаты повысить производительность труда и уменьшить этим же путем количество рабочих в ряде отраслей. Трудовой мобилизации подлежали все мужчины в возрасте 18–50 лет, в первую очередь незанятые в сельском хозяйстве, и во вторую – те, на чьих хозяйствах менее всего могла отразиться мобилизация. В решениях новой власти в Сибири переплетались два начала: нэповское и ревкомовское³⁹.

12 апреля 1921 года IV Иркутская губернская конференция РКП (б) отметила в своей резолюции по докладу о деятельности Иругля хорошую работу Черемховских копий в первом квартале. В интересах добывающего производства предусматривалось поставить необходимые оборудование и материалы. Потребности рабочих предполагалось удовлетворить путём создания трехмесячного бронированного фонда продовольствия и выдачи натуральных премий⁴⁰.

Коммунисты в целях спасения экономики вынужденно отступили от своей ортодоксальности и пошли на «буржуазное» премирование.

Иркутские коммунисты 14 апреля 1921 года обязали Иркутский губернский продовольственный комитет вести строгое наблюдение, затем, чтобы усиленные пайки и натуральные премии выдавались за действительно выполненную работу в зависимости от её важности и затраченных усилий, а не зависела от

³⁷ Там же. С.31–33, 131.

³⁸ Там же. С. 38–43.

³⁹ Сибирский революционный комитет. С.114–115.

⁴⁰ ЦДНИИО. Ф.1. Оп.1. Д.557. Л. 11.

служебного положения сотрудника. Здесь имела место попытка установить производственную демократию в процессе социалистического строительства⁴¹.

Экономика не могла существовать без развития транспортной инфраструктуры. 25 апреля 1922 года Сиббюро ЦК РКП (б) обратилось ко всем губкомам с письмом о необходимости развития транспорта местного значения – грузового и автомобильного. В Сибири пока ещё плохо учитывались интересы грузчиков, мастеровых рабочих, извозчиков. Профсоюзы от работы с ними отстранились. Среди этих тружеников предстояло резко усилить профессиональную и культурную работу, оказывать им материальную помощь⁴².

Постановление Сибревкома от 26 августа 1921 года об изменении политики в промышленности в условиях НЭПа предусматривало оживление хозяйственной инициативы и госпредприятий. В условиях развития свободного товарного рынка государственные предприятия должны были проявлять коммерческую гибкость и успешно конкурировать с частными предприятиями. Для этого на госпредприятиях предполагалось ввести принцип самоокупаемости, прибыльности, т.е. хозяйственный расчет⁴³.

Сиббюро ЦК РКП(б), Сибревком, местные органы управления в губерниях, уездах и волостях довольно своеобразно руководили подведомственными им территориями и населением, на них проживающим. Политическая сводка по Енисейской губернии за 20 сентября – 20 октября 1921 года сообщала, что новая экономическая политика проводится пока «наощупь», т.е. методом проб и ошибок. В это время процветал массовый бандитизм, в банды входили местные крестьяне и представители национальных меньшинств, которых необоснованно карала советская власть. В городах наблюдалось массовое недовольство со стороны государственных рабочих и служащих⁴⁴.

Парадоксально, но переход от чрезвычайщины «военного коммунизма» к нормальной и экономически упорядоченной политике НЭПа не только не уменьшил, но и увеличил размеры красного бандитизма, пик которого пришелся на вторую половину 1921года. Анализируя ситуацию, Сиббюро ЦК РКП (б) осенью 1921года отмечало, что «с отменой разверстки они (беднейшие слои деревни, пополнявшие ряды красных бандитов. – А.Ш.) утратили экономический базис, почувствовали себя столь же обездоленными, как были при Колчаке, и почуяли, что новый курс неизбежно ведет к усилению враждебных им элементов и понижает их собственное влияние»⁴⁵.

Коммунисты Сибири пытались затушевать свои политические ошибки подрывными делами эсеров. В начале 1922 года агитпропотдел Енубкома РКП(б) выпустил листовку «Социалисты-революционеры перед пролетарским судом». В ней представлен полный перечень явных и мнимых эсеровских грехов⁴⁶.

В секретной сводке по Красноярскому уезду в мае 1922 года сообщается, что в 1921 и начале 1922 года продотряды беспощадно изымали хлеб сверх всяких норм. Но все-таки антисоветские настроения крестьян оперативники объясняют воздействием эсеров и меньшевиков, которых никак не удастся уследить⁴⁷.

И все же постоянно шел поиск новых форм управленческой работы, внедрялась научная организация труда. Это было жестокое революционное время, когда людей делили на «своих» и «врагов», мыслили большими категориями и социальными слоями, не видели конкретного «маленького» человека.

Сибревком вместе с Сиббюро ЦК РКП (б) в 1921–1922 годах старались определить стратегию хозяйственной и социальной модернизации Сибири. В сентябре 1922 года вышел первый номер сибревкомовского журнала "Жизнь Сибири". Он был рассчитан в первую очередь на хозяйственных, советских и партийных руководителей всех уровней, осуществляющих практическую линию политического и экономического руководства⁴⁸.

В этом номере был дан обзор хозяйственного положения Сибири, который предложил председатель Сибревкома М.М.Лашевич. Также публиковались статьи «О советском управлении»; «Новая финансовая политика»; «Новое земельное законодательство»; «Хозяйственный план и плановая работа Сибэкосо» и др.

⁴¹ Там же. Д. 513. Л.39.

⁴² ГАНО, Ф. П-1. Оп.2. Д.947. Л. 236.

⁴³ Сибирский революционный комитет. С.141.

⁴⁴ ГАКК, Ф.Р - 893. Оп.1. Д.114. Л.48.

⁴⁵ Штырбул А.А. Анархическое движение в Сибири. Ч.2. С. 138.

⁴⁶ ЦХИДНИ КК. Ф.64. Оп.2. Д.11. Л.1-2.

⁴⁷ ГАКК, Ф.Р - 893. Оп.1. Д.258. Л.106.

⁴⁸ Жизнь Сибири. 1922. №1. С.3.

В целом в начале новой экономической политики в Сибири социальные интересы населения получили более широкое отражение в управленческой политике новой власти. Развивалась частная торговля, несколько улучшилось за счет этого снабжение городов продовольствием и крестьян товарами.

Вчерашние партизаны, красные командиры, политработники учились управлять регионом в новых мирных условиях, во много раз для них более сложных, чем период непосредственных боевых действий. Они были крайне возмущены наступлением нэпманов, шикарными магазинами и ресторанами, где с них требовали огромные деньги. Те самые, которые они собирались отменить. Часто эти руководители срывались на военные методы руководства. Да и Сибревком оставался чрезвычайным органом, для которого интересы центра были выше интересов сибиряков.

УДК 271.2(571.51)

М.В. Сентябова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПРИХОДОВ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 40-е – 70-е гг. XX века

Автор представляет материалы исследования, посвященного вопросам существования православных религиозных организаций на территории Красноярского края в 40-х – 70-е гг. XX в. в условиях жесткого контроля со стороны советской власти. На региональном материале раскрываются проявления этого процесса адаптации – изменение социального и возрастного состава прихожан и приходского духовенства, трансформация духовной и общественной жизни прихода, распространение внецерковных религиозных практик. Дается характеристика жизни православных приходов в Красноярском крае к началу 1980-х гг.

Ключевые слова: история религии в XX веке, Русская православная церковь, церковь и государство, Красноярский край.

M.V. Sentyabova

EVERYDAY LIFE IN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH CURACIES IN KRASNOYARSK REGION IN THE 40th – 70th YEARS OF THE XXth CENTURY

The author gives the research data that is devoted to the issues of the orthodox religious organization existence on the Krasnoyarsk region territory in the 40th – 70th years of the XXth century in the conditions of close control on the part of Soviet power. Demonstrations of this adaptation process that are change in the social and age category of the parishioners and parish clergy, transformation of the spiritual and social life of the curacies, spread of the churchless religious practices, are shown on the basis of the regional data. Orthodox curacy life characteristics in Krasnoyarsk region to the beginning of the 1980th years are given.

Key words: religion history in the XXth century, Russian Orthodox Church, church and state, Krasnoyarsk region.

На протяжении 1940-х – 1970-х гг. Русская православная церковь в СССР существовала в условиях жесткого контроля со стороны государственной власти. Идеологическая основа Советского государства предполагала отсутствие в обществе религиозных отношений. Это вызывало двойственное положение Русской православной церкви в Советском Союзе: признавая церковь как социальный институт, государство в то же время стремилось всячески ограничить её деятельность, принуждая православные религиозные организации видоизменяться, реагируя на условия враждебной атеистической среды. Изменения эти, затрагивающие все стороны существования церковного организма, серьёзно отражались на состоянии приходских общин Православной церкви. Можно выделить несколько этапов эволюции приходской жизни, каждый из которых отличался своими особенностями взаимоотношений как внутри прихода, так и между религиозной общиной и окружающим светским миром.